

М. А. Литовская, Е. К. Созина

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

В ситуации изменения конфигурации гуманитарного знания, когда исследования все чаще объединяются либо общетеоретической методологией, предполагающей междисциплинарность, либо общим предметом, анализируемым с позиций нескольких «частных» дисциплин,¹ изучение взаимодействия литературы и истории становится одной из актуальных проблем литературоведения, связывающей его с такими областями научного знания, как история, антропология, философия.

Несмотря на то что традиционно история относится к отраслям науки, а литература — к видам искусства, их объединяет установка на осмысление мира социальных отношений, на реконструкцию картины мира, опора на факты, в том числе и на образы человеческого воображения, стремление выстроить на основании этих фактов определенный сюжет, а в итоге — неизменная развернутая повест-

вовательность. Историю и литературу роднит их культурная и социальная роль: они влияют на формирование идентичности личности и социума, определяют коллективный опыт, наконец, описывают общественные процессы, события, поведение человека. Культурная история и социальная история сосредотачивают внимание на реконтекстуализации прошлого и настоящего, на своеобразной «мобилизации» прошлого исходя из генеалогии настоящего. Тексты словесности, в том числе и художественной, традиционно выполняют функцию символического переосмысления и оформления глобальных и локальных явлений действительности, категории времени, памяти, прошлого и его понимания (уроков прошлого) — всего того, что составляет извечные темы художественной литературы. «Заступание» истории на поле литературы становится особенно очевидным сегодня, поскольку меняется само представление о литературе, ее содержании и социальном статусе. Не только история, но и философия, а также все рожденные в последние века «гибридные» научные дисциплины возвращаются ныне в сфере притяжения не столько «чтения» и «изучения», сколько «письма» и «репрезентации». Современная ситуация во многом напоминает период «синкретического» состояния древнерусской литературы: источником исторических знаний об этом периоде выступают памятники словесности — летописи, хронографы, хождения и т. п. Точно так же и классические работы Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Е. К. Ромодановской, Е. И. Дергачевой-Скоп² и др., созданные на стыке разных сфер знания, равно авторитетны для историка и филолога, занимающихся изучением культуры того времени.

Сложнее обстоит дело с проблемой «стыковки» литературы и истории в новое время. Достаточно распространенным, особенно на уровне быденного сознания, является мнение о том, что история — более легитимная форма

¹ Тенденция к специфической междисциплинарной объективизации исследования, когда один предмет принципиально рассматривают с различных сторон, на практике фиксируется, в частности, в адресации конференций, идет ли речь о больших собраниях или локальных семинарах. См., например, из недавних информационных писем конференций: «Для участия приглашаются исследователи из области истории искусства, литературы, антропологии, философии, политических наук, социологии, культурной географии, культурологических исследований, кинематографии и средств массовой информации, этнологии и фольклора, экономики, истории, исследования культурного наследия, музейного дела, туризма, городского/пространственного планирования и т. д.» (Конференция «Культурная память», Центр культуры и культурологических исследований Скопье); «We are interested in submissions that examine complaints, grievances, denunciations, claims, reclamations and demands from within a variety of disciplinary or multidisciplinary perspectives, including legal, historical, ethnographic, literary, political or sociological forms of analysis» (Conference «Complaints: Cultures of Grievance in Eastern Europe and Eurasia», Princeton University).

Литовская Мария Аркадьевна — д.филол.н., профессор кафедры русской литературы XX–XXI вв. Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
E-mail: marialiter@gmail.com

Созина Елена Константиновна — д.филол.н., профессор, заведующая сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: elenasozina1@rambler.ru

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО и СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования»

² См., напр.: Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция. Материалы. Новосибирск, 2000; Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987; Панченко А. М. Русская история и культура: работы разных лет. СПб., 1999; Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII в. Новосибирск, 2002.

интеллектуального освоения реальности ввиду ее а priori заданной установки на объективность и достоверность. Продукты художественного творчества с их мощным иррациональным началом, ориентацией на домысел и вымысел воспринимаются как выполняющие скорее гедонистические, компенсаторные, развлекательные функции. Размышления об источниковедческом потенциале литературы А. В. Блюма, Н. О. Думовой, И. А. Манкевич, С. О. Шмидта,³ авторов сборника «История России XIX–XX веков: новые источники понимания»,⁴ а также приводимые ими примеры и доводы разбираются в массовой историографии об убеждение, что литература может интересовать историка только в том случае, если текст несет уникальную информацию или если автор является свидетелем описываемых событий. Художественная литература в этом случае рассматривается как своего рода иллюстрация, не претендующая на документальность, как открыто искаженная субъективностью «летопись», содержащая заведомо недостоверную информацию.

Такое пренебрежение литературными текстами отчасти можно объяснить пресловутым советским литературоцентризмом, при котором словесность (как художественная литература, так и анализирующая ее литературная критика) с конца 1920-х гг. из-за специфики функционирования советских социальных институтов науки и литературы во многом брала на себя «объяснительные» функции философии, социологии, истории, других самостоятельных гуманитарных дисциплин, но при этом сама находилась в тисках жестких идеологических конвенций. Авторы вынужденно прибегали к иносказаниям, умолчаниям, фантастическим допускам, наконец, к прямым искажениям фактов, что вызывало у историков желание дискутировать, комментировать и исправлять эти искажения. С одной стороны,

они критиковали писателей за вольнодумство, с другой — за излишнюю осторожность.

Так, например, «новая проза» Валентина Катаева неоднократно становилась предметом внимания историков. Сначала Ю. Каганова, историк КПСС, указывала автору «Маленькой железной двери в стене», что «большая опасность кроется в искажении жизненной правды, нарушении изумительной цельности образа Ленина, сосредоточении внимания на частностях, что легко может привести... к бытовизму. В этом отношении новая повесть В. Катаева дает, на наш взгляд, серьезные поводы для беспокойства... “Бытовизм”... приводит к обеднению, принижению образа Ленина как вождя, мыслителя и революционера».⁵ Потом к процессу критического анализа подключились историки литературы, которые увидели свою цель в «возможно более доказательном и беспристрастном проведении границы на каждой конкретной странице “Алмазного мого венца” между “истинными происшествиями”, описанными Катаевым, и “свободным полетом” его фантазии».⁶ Затем уточнить (автор использует более деликатный глагол — «разгадывать») писателя стал историк-краевед: «Истинное наслаждение — разгадывать неторопливо этот непрерывный ребус, находить вкрапленные в текст отзвуки старой Одессы».⁷ Во всех случаях историки с большей или меньшей степенью прямоты предъявляют претензии к автору за «недостоверность», разводя (что типично для оценки подобной художественной литературы) блестящий стиль и сомнительное содержание. Иными словами, читать интересно — верить нельзя. Характерная для русской культуры нормирующая (предписывающая) функция литературы с удовольствием подвергается сомнению; по сути дела, происходит определение границы, за которой должна находиться литература, — доставлять эстетическое удовольствие, развлекать, в лучшем случае побуждать к серьезному исследованию реальных событий.

Надо сказать, что писатели сами нередко становились проводниками и разрушителями подобной иерархии, балансируя на границе

³ См.: Блюм А. В. Художественная литература как историко-книговедческий источник: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992; Думова Н. О. Художественная литература как источник для изучения социальной психологии // О подлинности и достоверности исторического источника на примере романа-эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Казань, 1991. С. 112–117; Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. СПб., 2011. С. 83–144; Шмидт С. О. Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений // Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 113–115.

⁴ История России XIX–XX веков: новые источники понимания. М., 2001.

⁵ Каганова Ю. Еще раз об ответственности художника // Вопр. истории КПСС. 1965. № 1. С. 110.

⁶ Котова М., Лекманов О. В лабиринтах романа-загадки: коммент. к роману В. П. Катаева «Алмазный мой венец». М., 2004. С. 14.

⁷ Луцкий С. Реальный комментарий к повести // Катаев В. Уже написан Вертер. Одесса, 1999. С. 70.

истории и литературы. Разнородные тексты на исторические темы, не только художественные, но и заметки, очерки, комментарии, даже «истории», — это мощный пласт творчества многих литераторов. Приведем в качестве примера П. П. Бажова. Выбрав себе роли-функции историка-фольклориста-писателя, он проделывает жанровый путь от фольклорных записей к очеркам и статьям, затем к сказам — и снова возвращается к очеркам, статьям, докладам. Избранные им жанры в совокупности представляют своеобразную форму художественного исследования, позволяя соединить в рамках творчества одного автора исследовательские стратегии историков-профессионалов, позиции обитателей места, писателей и журналистов, конструирующих исторические нарративы в художественной литературе. Отдавая себе отчет в системно-культурных свойствах текстов профессиональной историографии и исторической публицистики, Бажов демонстрирует намеренную нестрогость, внепарадигмальность обыденного исторического знания. Выбрав роль посредника-транслятора представлений, свойственных коллективной памяти и «высокой» исторической науке, он создает эффект медиации — письма от имени народа (на этом построен жанр сказа) и/или от имени исторической профессии (в автобиографических и исторических очерках). Будучи человеком много пережившим, масштабно мыслящим, общающимся с людьми из разных социальных слоев, Бажов в 1930-е гг. предпринимает редкую по тем временам попытку пойти вразрез с официально навязываемым вариантом исторической интерпретации — предлагает свой вариант истории Урала, опираясь на иные, чем в государственном варианте, основания.⁸

Не менее показательный пример — творчество современного автора Алексея Иванова, создавшего ряд «историко-географических романов»⁹ об освоении Уральского региона, борьбе интересов и амбиций различных этнополитических лагерей и кланов, столкнувшихся на евроазиатской границе в древности и продолжающих свое соперничество ныне.

⁸ См. об этом: Литовская М. А. Жанровая система творчества П. П. Бажова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010. С. 434–452.

⁹ См.: Ребель Г. М. Художественно-идеологические тенденции в творчестве Алексея Иванова // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург, 2008. С. 491.

«Чердынь — княгиня гор», «Сердце Пармы», «Золото бунта» и другие романы писателя, историко-культурологические очерки «Message: Чусовая», «Уральская матрица», кинематографический проект «Хребет России» представляют Урал как символический центр важнейших для России социокультурных столкновений. Писатель предлагает позитивное конструирование национальной истории, отстаивая идею государства, в котором периферия, оказываясь формально репрессированной, имеет право на свой голос и реализует это право.¹⁰ Какой бы критике ни подвергали тексты А. Иванова в научных и литературно-критических кругах, его творчество является серьезным стимулом для возникновения интереса к изучению истории региона.¹¹

Аналитический подход такого рода возможен по отношению к творчеству многих, если не большинства российских литераторов. Не случайно (если говорить о взаимодействии истории и литературы с позиций литературоведения) самой разработанной оказывается тема художественного историзма того или иного автора. Категория художественного историзма предполагает выявление специфичности писательского взгляда на исторические события, а также рассмотрение различных форм его воплощения в конкретных текстах и в творчестве писателя в целом. Работы, посвященные «историческим взглядам» писателей, жанрово-стилевым воплощениям исторических концепций, составляют немалую часть отечественных историко-литературных исследований XIX–XX вв. (монографии и статьи Л. Долгополова, В. Кардина, А. Пауткина, С. Петрова, Н. Кареева, С. Кормилова, Г. Макагоненко, Б. Томашевского, В. Черепнина, Н. Эйдельмана и др.). Поскольку параллельная научной «художественная» история не менее, а иногда и более авторитетна для членов общества, описание «художественного историзма» позволяет также проследить, как формируются, закрепляются и сменяются представления об истории, преломленные в художественных текстах.

История соприкасалась не столько с филологией, сколько с литературой всегда, и не только

¹⁰ См.: Литовская М. А. Творческое поведение писателя как форма автокомментария: случай Алексея Иванова // Текст — комментарий — интерпретация: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 212–219.

¹¹ Специалист по истории Урала А. Т. Шашков в частной беседе упоминал первые исторические романы А. Иванова, оценивая их как достаточно добросовестные обработки источников, реконструирующие картину прошлого.

по линии рассказа, повествования, изложения истории. Внимание к истории и тяготение к построению специфических историсофских моделей было характерно для русской мысли, в течение довольно долгого времени выражавшей себя главным образом через литературу. Своя философско-историческая концепция была у А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, М. Салтыкова-Щедрина. Пусть эти концепции носили нередко мессианский, религиозный характер, но они давали объяснение истории, оппозиционное официальной историографии и уже поэтому транслируемое интеллигенцией. В этом плане особо следует выделить А. И. Герцена — оригинального русского писателя, публициста, философа, общественного деятеля, вновь обретающего сегодня актуальность. На протяжении своей жизни Герцен неоднократно переживал тяжелые периоды, всякий раз подвергая их своеобразной концептуализации. Так, итогом кризиса, пережитого Герценом в конце 1830-х — начале 1840-х гг., стал его отход от романтико-провиденциальной, теистической картины мира и увлечение экзистенциальной философией, в русле которой радикально меняется его представление об истории.¹² Окончательный отказ Герцена от гегельянской философии истории, от идущих в ее духе попыток усмотреть разумность и осмысленность в стихийном потоке истории связан с крушением революционных надежд в 1848–1850 гг. и с разочарованиями личного порядка (так называемая «душевная драма» Герцена¹³). В итоге у Герцена вырабатывается особый взгляд на движение истории, отраженный им в книге «С того берега» и в обобщающем тексте сознания и жизни «Былое и думы». Сам автор в последнем произведении по-«постмодернистски» осознает себя как «скриптора» (пишущего), в наличии у которого — вся история, лишённая глобального замысла: «Вокруг все колеблется, несется; стой или ступай, куда хочешь; ни заставы, ни дороги, никакого начальства... <...> Ни природа, ни история *никуда не идут*, и потому готовы идти *всюду*, куда им *укажут*, если это возможно, то есть если ничего не мешает».¹⁴ «Волонтиристский» взгляд Герцена на историю дал тол-

чок к разработке «субъективной социологии» и идеи «мыслящей индивидуальности» теоретиками народнического движения, получил выражение в творении самим Герценом истории России 1840-х гг. в «Былом и думах» (книга до сих пор служит одним из источников при изучении истории русской интеллигенции). Этот труд может считаться предтечей герменевтического подхода к истории, разработанного неокантианцами (от Дройзена до Дильтея и Зиммеля), как сам Герцен выступает, по сути, предшественником «истории идей», «истории ментальности» и подобных направлений, популярных ныне.

При учете обязательных историко-литературных конвенций художественные тексты оказываются не менее полезными для анализа исторической конкретики, чем мемуары или другие жанры non-fiction, которые чаще используются как источник достоверных сведений. Парадоксальным образом главная помощь, которую литература может оказать истории, состоит как раз в ее «сомнительности», неточности, в самом качестве фантазии, поскольку литература — специфический историографический источник, главное в котором — зафиксированные обыденные представления об истории, а также формы исторического сознания. Немецкий классик историографии И. Дройзен, осуществляя свою типологию «исторического материала» («источники», «остатки» прошлого, «памятники»), выделял среди источников «субъективный ряд», где «параллельно любому происшествию идет непосредственное восприятие, транспонирование его в представление»;¹⁵ чаще всего в этой роли выступали произведения искусства или записанные позже устные «предания», несущие свидетельства о прошлом («невольные свидетельства», как скажет позже М. Блок). В 1972 г. в своей статье Л. Н. Гумилев весьма убедительно показал, что «каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи. Сохранением такого факта является его смысл, направленность и настроенность, причем вымысел играет роль обязательного приема».¹⁶

¹² См. об этом: Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург, 2001. Гл. 1, 2, 6.

¹³ Определение принадлежит историкам русской философии, см.: Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 95–130.

¹⁴ Герцен А. И. Соч.: в 9 т. М., 1957. Т. 6. С. 243, 244. Курсив авт.

¹⁵ Дройзен И. Г. Историка: лекции об энцикл. и методол. истории. СПб., 2004. С. 123.

¹⁶ Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73–82.

Связь литературы и истории видится и в ином аспекте: она естественно возникает в самой жизни людей. Чувство истории формируется у людей вместе с появлением письменности, в то время как примитивные народы живут в рекуррентно-поступательном движении ритуала или мифа. «Весь так называемый процесс временного существования состоит в припоминании и забывании, т. е. в выемке и вставлении элементов в мозаику бытия»,¹⁷ которую и организует история как рассказ. Начиная с Геродота, рассказ о некоей цепи событий всегда предшествует появлению истории как системы знаний людей о прошлом. Неслучайно поэтому и многозначность самого слова «история» (происшествие или случай, рассказ о нем, человеческое прошлое в целом, наконец, собственно наука), на чем в значительной степени играет постмодернистское сознание.

Осознание этой проблематики начинается на рубеже XIX–XX вв., когда приходит новое понимание истории как ведущей «науки о духе», складывается герменевтический аппарат ее познания, связанный с формированием новой эпистемологии в рамках смены культурных и философских парадигм и типов рациональности. «Историю исследует тот, кто ее творит», — это заявление В. Дильтея,¹⁸ наряду с его апелляцией к искусству и мифу как к ведущим источникам и способам познания истории и жизни, с выдвиганием многоступенчатой процедуры интерпретации как опосредующей факт и его понимание, остаются вполне актуальными и сегодня для всех гуманитарных наук.

В XX в. один из наиболее существенных прорывов в области исторической и филологической методологии пришелся на период позднего структурализма и постструктурализма и связан с именем М. Фуко, предложившего новый инструментарий для исследования истории человека и его культуры. В свою очередь, археология знания и герменевтика субъекта Фуко возникли на гребне так называемого лингвистического поворота, характерного для сознания всего XX столетия.

К последствиям лингвистического поворота Ю. П. Зарецкий относит «разрушение границ между традиционным пониманием... статуса (исторического документа — М. Л., Е. С.) в истории и литературоведении. Или точнее —

принятие историками концепта литературоведов»,¹⁹ т. е. замещение понятия «документ» понятием «текст», а также неизбежно следующее за этим признание права историка на субъективность (что было зафиксировано еще в штудиях Дильтея, Зиммеля, Ницше и их предшественника Дройзена) и на внимание не только к тому, что изложено на страницах того или иного документа, источника, текста, но и к тому, как это сделано. Сегодня общепринято представление о том, что «воспринимающее лицо» не может быть абсолютно беспристрастным, как бы ни стремился к этому ученый-позитивист. Обобщая взгляды на историю, сложившиеся в поздней школе «Анналов», П. Вен провокационно заявляет: «История есть произведение искусства, потому что, оставаясь объективной, она не имеет метода и не является наукой. Поэтому, если мы попытаемся уточнить, в чем заключается ценность книги по истории, то мы обнаружим, что употребляем слова, которые говорят о произведениях искусства».²⁰

Подход к истории со стороны ее текстуальности нередко считается постмодернистским или постструктуралистским. Однако, возможно, мы лишь не замечали его присутствия в этой науке раньше, что доказывает Х. Уайт, исследовавший риторические стратегии историков прошлого и показавший их структурацию по принципам организующих историческое изложение тропеических фигур (т. е., по существу, фигур стиля, языка, оказывающих нужное воздействие на читателя и согласующихся с риторически-стилистическими конвенциями эпохи). «История по сути своей — это историко-графия, или, выражаясь в откровенно провоцирующем стиле, — артефакт литературы», — заявил П. Рикер в книге 1985 г.²¹ Отсюда рождается нарратологический подход к истории, в рамках которого Ж. Женетт разделил понятия *histoire* (история), *recit* (рассказ), *narration* (повествование), открыв возможности для анализа специфических приемов повествования в текстах как художественных, так и документальных; исходным здесь является положение о том, что любое осознание и интерпретация событий обусловлены, в частности, определенными повествовательными

¹⁷ Зильберман Д. Б. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 80.

¹⁸ Цит. по: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 271.

¹⁹ Зарецкий Ю. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 44.

²⁰ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 274.

²¹ Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. С. 187.

структурами.²² Идеи А. Данто («Аналитическая философия истории», 1964), Х. Уайта («Метаистория», 1973), П. Рикера, С. Гринблатта и других ученых, получили отражение в спорах о «новом историзме», вызванных вторжением истории повседневности в область идеологии и художественного творчества, о «новом антропологизме», а также в попытках осмысления «уроков» школы «Анналов», в осуществлении «методологического синтеза» и др.²³

Современные теории уже достаточно спокойно исходят из того, что история занята конструированием прошлого. Причем, если в рамках модернистской парадигмы эти конструкции описывались как более или менее стабильные, в сегодняшней исторической мысли они рассматриваются как динамические структуры, находящиеся в прямой или косвенной зависимости от изменчивых политических, культурных и религиозных процессов. Понимание того, что история тоже пишется и что результат письма во многом зависит от системы ценностей, убеждений автора исторического текста как человека своего времени и конкретной социокультурной принадлежности, для кого-то стало поводом разочароваться в истории, но большинству ученых, скорее, дало основания для рефлексии. Многие историки, вне зависимости от своих методологических позиций, начали искать ответы на целый ряд вопросов — от характеристики особенностей исторических нарративов до проблем фиксации проявлений того, что именуют культурной памятью; от осознания существования разного рода дисциплинарных политик до описания практик конформизма и восприятия геноцида в Европе.

Исследования взаимодействия истории и литературы далеко не завершены и нуждаются в продолжении, само их развитие на сегодняшнем этапе может быть существенно обогащено еще и потому, что новый «историзационный» поворот в гуманитарном знании²⁴ совпал с существенными переменами в литературоведении.

Во-первых, иерархический подход в литературоведении стал отодвигаться на второй план. Одинаково важными с точки зрения анализа, в частности, «историзма» оказываются тексты как «высокой» литературы, где исторические интуиции и рассуждения, нередко выполняя структурообразующую функцию, могут «опережать свое время», так и литературы «второго ряда», включая так называемую массовую, где фиксируются стереотипы исторического сознания времени ее создания и доминирующий взгляд на исторические события.²⁵ Также ослабевает стремление к обособлению художественных текстов, все чаще в компаративных исследованиях тексты сопоставляются не по критериям значительности или художественности, но по критерию проблемно-тематическому и т. п.²⁶

Во-вторых, интерес к истории выдвигает на первый план новые аспекты исследования. Литература не всегда и не обязательно прибегает к вымыслу как конструктивному основанию поэтики повествования, продуктивной может быть и прямая (насколько это вообще возможно) фиксация факта и изложение на его основе события: на это чаще всего претендуют мемуарные и так называемые меморатные тексты, популярность которых возросла в последние десятилетия. И. Каспэ формулирует и подвергает ревизии «взгляд на документ как на *другое* литературы», не противопоставляя «документность» «литературности», но рассматривая первое как нередкое условие второго.²⁷ Историзация сегодняшней культуры (наряду со встречной тенденцией ее мифологизации²⁸) — очевидность, с которой трудно не считаться.

Вопрос о соотношении художественного вымысла / интерпретации / документального свидетельства важен и в случае анализа локальных нарративов, так как культурное пространство

²² На отечественном материале эта проблематика рассматривалась в сборнике статей «История и повествование» (М., 2006).

²³ См., напр.: Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск, 2002; Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. Этому посвящены также публикации в журнале «Новое литературное обозрение» за последнее десятилетие и т. д.

²⁴ См. об этом: Clio. A Journal of Literature, History and the Philosophy of History; The History and Narrative: Reader. London, 2001; etc.

²⁵ См., напр.: Кузовкина Т. Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту, 2007.

²⁶ См., напр.: Павлов Е. Шок памяти: Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М., 2005.

²⁷ Каспэ И. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х. М., 2010.

²⁸ В докладе на недавней конференции «Литература и история — грани единого (к проблеме междисциплинарного синтеза)» (Екатеринбург, октябрь 2012) Ю. Л. Троицкий выделил четыре «репрезентационных экрана» исторического события, обеспечивающих соответствующие уровни его описания и интерпретации (т. е., по существу, все той же репрезентации), среди которых равноправное место занимает «экран мифа» (мифемы).

территории формируется совокупностью дополняющих друг друга текстов разного рода, содержащих в себе информацию о месте и происходивших там событиях. Содержание любого из этих текстов оказывается необходимым для создания цельной картины развития или среза состояния того или иного явления. Краеведческие нарративы, биографии «культурных героев», тексты «гениев места», мемуары путешественников, дневники, очерки представляют различные формы и уровни взаимодействия художественного и документального, исторического начал. Последнее обстоятельство оказывается особенно важным при конструировании истории регио-

нальной литературы, в частности литературы Урала. На фоне многочисленных дискуссий последних десятилетий о предмете истории литературы²⁹ актуальна выработка основополагающих социально-исторических и литературоведческих принципов, определяющих модель конструирования истории региона, истории его литературы и ее «поддержки»/опровержения литературой как таковой. Думается, эти и другие обозначенные выше проблемы можно и нужно решать в союзе и сопряжении литературоведения и истории, осознавая как возможные способы взаимодействия этих сфер знания, так и существующие границы каждой из них.

Ключевые слова: *структура гуманитарного знания, исторический источник, вымысел и факт, художественный историзм, нарратив, региональная история литературы*

Maria A. Litovskaya

Doctor of Philological Science, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *marialiter@gmail.com*

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Science, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *elenasozina1@rambler.ru*

LITERATURE AND HISTORY: INTERFACING PROBLEMS

The article reviews various levels and spheres of interaction between the two types of discourse — literature and history, as well as two related humanitarian disciplines - literary criticism and history. The possible, though problematic, interface areas could include the historical sources (which could include also a literary text), the form of presenting history (a narrative or a story), the principle of artistic historicism in literature, the design of the history of literature, particularly of the local or regional one.

Key words: *structure of human knowledge, historical sources, fiction and fact, artistic historicism, narrative, regional literary history*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii (Asiatic Russia: people and empire structure). Omsk: OmGU, 2005, 600 p. (in Russ.).

Blyum A. V. *Khudozhestvennaya literatura kak istoriko-knigovedcheskiy istochnik. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk v forme nauchnogo doklada* (Literature as a historical and bibliographic source. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Philology in the form of a scientific paper). St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. in-t kulturey, 1992, 36 p. (in Russ.).

Bulgakov S. N. Moscow: Nauka, Vol. 2, 1993, pp. 95–130. (in Russ.).

Clio. A Journal of Literature, History and the Philosophy of History (Indiana University-Purdue University Fort Wayne). Available at: <http://new.ipfw.edu/clio/> (accessed 11 February 2013). (in English).

Dergacheva-Skop Ye. I. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2000, 94 p. (in Russ.).

Droysen J. G. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2004, 284 p. (in Russ.).

²⁹ См.: Щербенок А. Деконструкция и классическая русская литература. М., 2005.

- Dumova N. O. *O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika na primere romana-epopei M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina»: sb. nauch. tr.* (On the authenticity and reliability of the historical source on the example of the epic novel Gorky “Life of Klim Samgin”: collected papers). Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1991, pp. 112–117. (in Russ.).
- Gadamer H.-G. Moscow: Progress, 1988, 704 p. (in Russ.).
- Gertsen A. I. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit-ry, Vol. 6, 1957, 691 p. (in Russ.).
- Gumilev L. N. *Russkaya literature* (Russian literature), 1972, № 1, pp. 73–82. (in Russ.).
- Istoriya i povestvovanie* (History and narrative). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006, 600 p. (in Russ.).
- Istoriya Rossii XIX–XX vekov: novye istochniki ponimaniya* (History of Russia XIX–XX centuries: new sources of understanding). Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, 2001, 304 p. (in Russ.).
- Kaganova Yu. *Voprosy istorii KPSS* (Questions of history KPSU), 1965, № 1, pp. 109–112. (in Russ.).
- Kaspe I. Moscow: GU-VShE, 2010, 48 p. (in Russ.).
- Kotova M., Lekmanov O. Moscow: AGRAF, 2004, 204 p. (in Russ.).
- Kuzovkina T. Tartu: Ülikooli Kirjastus, 2007, 161 p. (in Russ.).
- Likhachev D. S. Leningrad: Khudozhestvennaya literature, 1987, Vol. 1, 656 p.; Vol. 2, 496 p.; Vol. 3, 520 p. (in Russ.).
- Litovskaya M. A. *Evolyutsiya zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshcherossiyskikh protsessov: sb. nauch. tr.* (The evolution of genres in literature Urals XVII–XX centuries processes in the context of the all-Russian: collected papers). Ekaterinburg: UrO RAN, 2010, pp. 434–452. (in Russ.).
- Litovskaya M. A. *Tekst — kommentariy — interpretatsiya: sb. nauch. tr.* (Text — comment — Interpretation: collected papers). Novosibirsk: NGPU, 2008, pp. 212–219. (in Russ.).
- Lushchik S. *Realnyy kommentariy k povesti* (Real comment for the story). Odessa: MP TsSP “Optimum”, 1999, pp. 67–229. (in Russ.).
- Mankevich I. A. St. Petersburg: Aleteyya, 2011, 712 p. (in Russ.).
- Metodologicheskiy sintez: proshloe, nastoyashchee, vozmozhnye perspektivy: sb. nauch. tr.* (Methodological Synthesis: Past, Present and Possible Prospects: collected papers). Tomsk: TomGU, 2002, 202 p. (in Russ.).
- Panchenko A. M. St. Petersburg: Yuna, 1999, 520 p. (in Russ.).
- Pavlov E. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 224 p. (in Russ.).
- Rebel G. M. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost: sb. nauch. tr.* (Literature Urals: history and modernity: collected papers). Ekaterinburg: UrGU, Issue 4, 2008, pp. 489–496. (in Russ.).
- Ricoeur P. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, Vol. 1, 1998, 313 p. (in Russ.).
- Romodanovskaya E. K. Novosibirsk: Nauka, 2002, 391 p. (in Russ.).
- Shcherbenok A. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 232 p. (in Russ.).
- Shmidt S. O. *Khudozhestvennaya literatura i iskusstvo kak istochnik formirovaniya istoricheskikh predstavleniy* (Literature and art as a source of historical representations). Moscow: RGGU, 1997, pp. 113–115. (in Russ.).
- Sozina E. K. Ekaterinburg: UrGU, 2001, 552 p. (in Russ.).
- The History and Narrative: Reader: collected papers. London, Routledge, 2001, 452 p. (in English).
- Ven P. Moscow: Nauchnyy mir, 2003, 394 p. (in Russ.).
- Zaretskiy Yu. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 384 p. (in Russ.).
- Zilberman D. B. *Voprosy filosofii* (Questions of philosophy), 1996, № 4, pp. 76–105. (in Russ.).